

І. Технології впливу на людину

О.Б. Федоровская

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматриваются вопросы, связанные с существованием и применением политических технологий в аспекте государственной власти и международных отношений. Автор предлагает деление политических технологий на манипулятивные и неманипулятивные. Политические технологии рассматриваются в нравственном аспекте.

Ключевые слова: *политические технологии, власть, государство, мораль.*

У статті розглядаються питання, пов'язані з впровадженням політичних технологій в аспекті державної влади та міжнародних відносин. Автор пропонує поділ політичних технологій на маніпулятивні та неманіпулятивні. Політичні технології розглядаються у моральному аспекті.

Ключові слова: *політичні технології, влада, держава, мораль.*

O. B. Fedorovska. *Political technologies through the prism of philosophical analysis*
The article discusses issues related to the existence and use of political technologies in the aspect of state power and international relations. The author proposes the division of political technology on manipulative and non-manipulation. Political technologies are considered in the moral aspect.

Key words: *political technologies, power, state, morality.*

Введение. В современном обществе понятие «технология» используется в расширительном значении, не только в связи с техникой, процессом организации материального производства и предметно-практической деятельности. Всё чаще этот термин употребляется для характеристики состояния и развития современной цивилизации, связи технологий с общественной системой в целом, её

цивілізаційними придбаннями, досягненнями, успіхами, но і потерями, соціальними проблемами [см.: 1; 2, с. 112; 3]. О розвитку технологій говорить виділення як особих явищ комп'ютерної, інформаційно-комунікативної, інноваційної, вибіркової, освітньої, політичної, соціальної і др. технологій. Політичні технології представляють інтерес для філософського дослідження по багатьох причинах, перш за все в силу їх багатосторонності і широти впливу на соціальне життя і долі народів, на історичний процес в цілому. Це змушує при дослідженні суспільного буття, в частині питань державної влади, приділити темі політичних технологій особливу увагу. Відзначимо, що дуже багато дослідників, які займаються питаннями влади, так або інакше, розглядали і технологію її застосування. При цьому центральним питанням всім же залишалася мораль. Саме моральний аспект влади і змушував вчених так детально вивчати процеси, тем більше технологічно детерміновані, що відбуваються при її досягненні і застосуванні.

Аналіз досліджень і публікацій, постановка задачі. Дослідження технологій як проблеми соціально-філософського знання має традицію. В філософії ХХ століття темі техніки і технологій представив одним з перших М. Хайдеггер [4]. Розглядаючи техніку як засіб і людську діяльність, філософ тем найбільш підкреслював її одночасно «інструментальне» і «антропологічне» визначення, а також те обставина, що в сучасному суспільстві «існує техніка не є щось технічне» [4, с. 221, 238]. Така позиція Хайдеггера відкрила і для сучасного дискурсу про феномен техніки і технологій важливу ідею, розуміння того, що небезпека цих феноменів для людини заключається не в них самих по собі, а в тому, як сучасний людина використовує їх, наскільки готов їм довіритися. Як стверджує сучасний німецький філософ, інтерпретатор хайдеггерівських ідей В. Хёсле, небезпека техніки – навіть «не в знищенні існування людини (хоча це було б світовою катастрофою –

О.Ф.), а в преобразовании его сущности» [5, с. 148]. До Хайдеггера, как отмечает тот же автор, техника оценивалась исключительно положительно, что, безусловно, связано с господством долгое историческое время веры в прогресс, связанной с просветительской идеологией, согласно которой техника и технологии служили одним из способов утверждения нравственно-ценностных оснований общественного бытия – разума, добра, справедливости и т.д. Но эти орудия могут затрагивать и саму человеческую сущность: «Исходя из состояния современной техники, можно, впрочем, сказать, что отныне существует возможность достичь изменения человеческой сущности не через последствия, в которых сказывается воздействие развития техники на наш способ мышления, но непосредственно техническим путём – через генетические манипуляции. Опасность «антикваризации» человека сегодня гораздо более осязаема, чем во времена Хайдеггера...» [там же]. Вот почему исследовательская задача – проанализировать особенности современных политических технологий, выделить их виды, показать следствия подобных социальных практик не теряет своей актуальности.

Анализируя существующие подходы к пониманию техники и технологий, обратим внимание на некоторые продуктивные для исследования идеи. В этом отношении имеет значение социологическое понятие техники, данное Н. Луманом. В отличие от машинной техники, последнее совпадает «... с размерами общественной системы в целом. Можно предположить, что на высокой ступени развития технизация общества непосредственно затрагивает все его функциональные области» [2, с. 112]. Понимание технологии как цивилизационного явления закрепляется в подходе В.М. Розина, согласно которому технология представляет собой «сложную реальность», функционально обеспечивающую «цивилизационные завоевания». То есть, технология является «механизмом новаций и развития», сферой «целенаправленных усилий (политики, управления, модернизации, интеллектуального и ресурсного обеспечения и т.д.), существенно детерминируемых, однако, рядом социокультурных факторов» [3, с. 65]. О такой социокультурной предпопре-

делённости развития техники, технологий несколько ранее рассуждал и Т. Адорно, подчёркивая, что как польза, так и вред современного технического потенциала зависит от самого общества: «Это использование не является делом доброй или злой воли, а зависит от объективных структур общества в целом. В обществе, устроенном соответственно человеческому достоинству, техника не только была бы освобождающим фактором, но и обрела бы сама себя» [1]. Как видим, философ подчёркивает взаимосвязь, взаимовлияние нравственных качеств человека как исторического субъекта (достоинство) и собственно общественной истории.

В ряду европейских мыслителей, особенно если вопрос касается социальных и политических технологий, нельзя не упомянуть Г. Маркузе, считавшего, что в современном мире господство возможно «... не только посредством технологии, но именно *как* технология, причём последняя обеспечивает широкую легитимацию разрастающейся политической власти, которая вбирает в себя все сферы культуры» [6, с. 208]. Философ доказывает, что именно технологии подвластны процессы «рационализации несвободы человека», тем самым «“технической” невозможности автономии, невозможности определять свою жизнь самому» [6, с. 209]. Это становится возможным в силу того, что по мысли Маркузе, технологическая рациональность становится и рациональностью политической. Однако, несмотря на пессимистические оценки философа, которые практически не оспорить, тем не менее, хотелось бы найти, рассуждая о современных технологиях, место и для надежды, оптимистического видения перспектив общественного развития в аспекте использования технологических возможностей.

Вклад в исследование поставленных вопросов вносят и современные украинские учёные, рассматривая как собственно действие технологий в самых разных сферах общественного бытия – образование, наука, культура [7], так и проблему манипулирования общественным сознанием, противоречивость этого процесса, связанного с преследованием часто аморальных целей как в сфере властных отношений, так и в целом в системе общественных отношений, коммуникативных связей [8].

Основная часть. Х. Арндт в своей работе «*Vita activa, или о деятельной жизни*» говорит о том, что «...всякое политическое действие, когда оно не пользуется средствами насилия, осуществляется очевидно через речь, но также и в том ещё более элементарном смысле, что именно отыскание нужного слова в нужный момент, совершенно независимо от его информирующего и коммуникативного содержания для других людей, есть уже действие. Глухо только насилие, и уже по этой причине голое насилие никогда не может претендовать на величие» [9, с. 36]. Такая нравственного порядка оценка любых принуждающих, насильственных действий может, на наш взгляд, служить исходным принципом в дискурсе о современных технологиях, их положительных и негативных возможностях.

Проблеме морали, необходимости различения определённых категорий нравственности уделяет должное внимание и Л. Штраус в своём исследовании «О тирании». Речь идёт о различии «между обычной, или политической добродетелью, целями которой служат богатство и почести, и истинной добродетелью, которая отождествляется с самодостаточной мудростью» [10, с. 170], обозначая, таким образом, некое противоречие между человеком политическим и обыкновенным человеком, проводя тем самым определённую нравственную грань между правителем и свободной личностью. В указанной работе Штраус не раз рассматривает действенность института государственной власти под углом зрения принципа гедонизма – традиция такого анализа идёт ещё от античной культуры. В частности, говорится о боге и природе как об источниках «естественного права», которое, если следовать логике Платона, тождественно справедливости. Соответственно, понятие, соединяющее «восхваление» и «богов», – это благородство. Исследователь также акцентирует внимание на том, что похвалы достаточно (в отличие от принуждения) для того, чтобы направлять поступки аристократа. В этом случае, согласно логике древнегреческой культурной традиции, даже боги «наслаждаются благородством». Забегая наперёд, стоит отметить, что в современном мире, где активно применяются и работают политехнологии, категории морали, нравственного благородства едва различимы, если вообще присутствуют. Стоит

подчеркнуть, что с этой проблемой сталкивались и в античности и в более поздние эпохи, и, возможно, именно поэтому философия никогда не стояла в стороне от проблем государственной власти, пытаясь применить свой тонкий духовный инструментарий в жесткой практической плоскости – в плоскости власти.

Пожалуй, наиболее точно этот процесс описывает А. Кожев: «С одной стороны, высшей целью философа является разыскание Мудрости или Истины, причём этот по определению нескончаемый поиск должен занимать всё его время. С другой стороны, требуется время, причём много времени, для управления государством, сколь бы малым ни было такое государство. По правде говоря, управление государством также требует от человека всего времени. Не имея возможности посвятить всё своё время философии и правлению, философы обычно искали компромиссное решение. Стремясь заниматься политикой, они не отказывались от своих собственно философских занятий и удовлетворялись тем, что несколько ограничивали время, которое посвящали этим занятиям. Поэтому они отказывались от идеи брать в свои руки управление государством и довольствовались тем, что часть времени, отнятого у философствования, они отдавали советам, которые устно или письменно давали правителям своей эпохи» [11, с. 257]. Далее мыслитель рассуждает, сопоставляя семейно-родственные и политические отношения, о «механизме» признания и почитания в контексте нравственных связей, прежде всего такой категории морали как любовь: «Если вместе с Гёте и Гегелем мы признаем, что человек любим исключительно потому, что он есть, независимо от того, что он делает (мать любит своего сына несмотря на все его недостатки), в то время как «почитание» или «признание» зависит от действий того, кого мы «почитаем» и кого мы «признаем», то очевидно, что тиран или государственный деятель вообще стремятся к признанию, а не к любви» [11, с. 245]. Здесь стоит отметить, что сегодня речь всё реже идёт о признании – сама власть становится конечной целью современных политических технологий. Поэтому уже и не говорится о нравственном аспекте, связанном с социальным признанием человека, достигшего власти – этот аспект просто отсутствует как таковой.

Интерес в данном контексте представляют труды Д. Шарпа, американского общественного деятеля, идеолога «цветных революций», который внёс заметный вклад в теорию ненасильственной борьбы против государственной власти, а именно – собрал и подробно описал методы ненасильственной смены власти, которые могут быть использованы в любой комбинации и в любой стране [см.: 12]. Среди его основных работ необходимо назвать следующие: «От диктатуры к демократии», «Политика ненасильственных действий», «Ганди как политический стратег», «Сделать Европу непокорённой», «Сопротивление, политика и американская борьба за независимость, 1765-1775». Они интересны уже тем, что являются не только теоретическим анализом определённых закономерностей общественного развития, но содержат и практическое руководство к действию, являясь учебником с готовым алгоритмом для тех политических сил и структур, которые вознамерились вмешаться в политический процесс и изменить его. Понятие «ненасильственной» смены власти в данном случае применяется лишь потому, что при воплощении теории Шарпа может погибнуть сравнительно небольшое количество людей, по сравнению с тем, которое гибнет, условно говоря, в «традиционных» революциях или вооружённых конфликтах. При этом назвать технологии Шарпа гуманными никак нельзя, поскольку они противоречат таким принципам гуманизма как свобода, суверенитет государства, права личности, верховенство закона, неприкосновенность собственности – всё это нивелируется в самом начале такого рода революций, и далеко не всегда подлежит восстановлению.

Если рассматривать политические технологии как способы влияния на общественно-политическую жизнь, то, как нам представляется, необходимо выделить среди них манипулятивные и неманипулятивные. Здесь мы не касаемся тех или иных нравственных аспектов, связанных с «технологическим» влиянием на сознание масс, а лишь хотим подчеркнуть различие в механизмах действия. Отметим также, что политические технологии существовали всегда, зачатки их можно найти даже в первобытно-общинном строе, то есть, везде, где есть общество и есть власть. К неманипулятивным полит-

технологиям можно отнести, например, распространенные в монархических государствах династические браки между наследниками или правителями разных государств, которые были ничем иным, как военно-политическими союзами. Если рассматривать монархическую власть с точки зрения существующих политических технологий, то, по сути, вся придворная жизнь состояла из таких «технологий», которые в то время именовались интригами, хотя суть их была технологической – усилить или, наоборот, ослабить влияние на государя тех или иных групп: дворянских родов, представителей определенных сословий (например, бояр) либо отдельных личностей. Сложность политического этикета и многоаспектность дворянства давала возможность поочередно усиливать влияние на верховного правителя различных групп, что создавало определенную систему сдержек и противовесов, но при этом было основано на манипуляциях. Иллюстрацией этого могут служить ценные дары, которые правитель принимал из рук подданных либо иностранных послов, что нередко позволяло добиться расположения и благосклонности монаршей особы в тех или иных вопросах. К манипулятивным технологиям того же исторического периода можно также отнести слияние государственной и церковной власти, что упрочило обе ветви и усилило их влияние не только на поведение, но и на образ мыслей народа. Проблема престолонаследования и связанные с этим вопросы (такие как, к примеру, передача престола одному из наследников) создавали обширное поле для технологий, которые чаще всего сводились к физическому устранению соперников – и таких примеров немало в истории различных государств.

Стоит отметить, что большая часть политических технологий современного мира связаны с манипуляциями, собственно, они и являются таковыми. Если говорить о т. н. «ненасильственной» смене власти, а проще говоря – о цветных революциях, то в их основе лежат манипуляции сознанием людей. Отсюда неслучайно С.Г. Кара-Мурза ставит проблемный вопрос о «власти манипуляции» [13]. Автор детально анализирует методы и формы манипуляции общественным сознанием, имеющей своей целью роботизацию человека. Значимое место в исследовании занимает тема морали,

вне которой любая технология недопустима. Иначе говоря, малейшее выпадение из нравственного круга бытия, допускаемое манипулятивными технологиями, порождает негуманную систему общественных взаимоотношений. Поэтому Кара-Мурза занимает позицию неприятия технологий такого рода, справедливо полагая, что именно через отношение к манипуляции сознанием (законна ли она и имеет ли моральные оправдания) может определяться цивилизационный и культурный выбор современных государств.

Следует отметить, что в современном обществе существует множество политических технологий, большинство из которых манипулятивны по своей сути. Понятие гибридной войны, ставшее сейчас особенно популярным, не что иное как применение различных технологий, которые не являются военными действиями, но при этом принуждают одну из сторон к определенным уступкам. Если говорить о международной политике, то в ней применяются все приёмы и методы, какие только существуют для достижения политических целей – шантаж, подкуп, внешнее вмешательство в жизнь суверенных государств под лозунгами демократии, международные кредитные программы – все эти способы сегодня применяются одними государствами по отношению к другим и ведут к постоянному напряжению. К наиболее эффективным политическим технологиям, действующим в современном мире, можно отнести такие, как экспорт цветных революций, ненасильственную смену власти в государствах; принуждение к выполнению международных соглашений либо, наоборот, отказ от их выполнения; экономические инструменты (формирование зон свободной торговли, создание единой валюты для ряда государств, эмбарго, международные кредиты), а также множество других, число которых постоянно растёт. Строго говоря, создание международных организаций и союзов (Европейский Союз, НАТО, Международный валютный фонд и т.д.) не что иное как глобальная политическая технология широкого спектра действия. Исключение страны из подобного союза, выход по собственному желанию (Великобритания – ЕС) или, наоборот, стремления стать членом (Украина – ЕС) приводит к серьёзным последствиям и глобальным изменениям в мировой политике.

В данном случае для авторов технологий, как правило, распространение власти одних государств над другими является способом подчинения. Конечная цель подобных действий, как показывает практика – ослабление других государств, присвоение их природных ресурсов, превращение суверенных субъектов в объекты международной политики, создание на территории других государств управляемого хаоса (здесь можно привести в пример потоки мигрантов, стремящихся из стран Африки, Ближнего Востока в страны Европы). Власть, которая достигается подобными способами, не может быть ни гуманной, ни справедливой, т.е. не представляет ценности с точки зрения морали и справедливости. Отсюда вытекает задача возвращения морали во власть, в систему социально-политических отношений. Необходимость этого обосновывал В. Гавел. В его работе «Политика и совесть» читаем: «Некогда правители и лидеры – независимо от того, приходили они к власти благодаря династической традиции, воле народа, выигранной битве или интригам – были личностями во всём своём своеобразии, со своими человеческими лицами, ещё в какой-то степени персонально отвечавшими за свои поступки, как хорошие, так и дурные. Но в нынешние времена им на смену пришел управленец, бюрократ, аппаратчик – профессиональный правитель, манипулятор, мастер технологий управления, манипуляции и запутывания смысла, винтик государственного механизма со строго predetermined ролью. Этот профессиональный правитель – «невинный» инструмент «невинной» анонимной власти, чья легитимность связана с наукой, кибернетикой, идеологией, законом, абстракцией и объективностью, то есть со всем, кроме личной ответственности перед конкретными людьми, перед ближними. Современный политик прозрачен: за маской благоразумности и аффектированной дикцией не найдешь и следа человека, укорененного в системе естественного мира своими симпатиями, страстями, интересами, личными мнениями, ненавистью, храбростью или жестокостью. Всё это он тоже запирает в собственной ванной. Если мы и разглядим кого-то за маской, то это будет лишь более или менее компетентный технолог власти. Система, идеология и аппарат лишили нас – как правителей, так и

подданных – нашей совести, нашего здравого смысла и естественной речи, а значит, и самой человечности. Государства всё больше напоминают машины, люди превращаются в статистические “хоры” избирателей, производителей, потребителей, больных, туристов или солдат. В политике добро и зло – категории естественного мира, а значит, устаревшие пережитки прошлого – полностью теряют абсолютное значение: единственная цель политической деятельности – успех, поддающийся количественному измерению» [14]. За этими размышлениями скрывается, может быть, самая актуальная для современного мира проблема и одновременно задача – привития «миру политическому» ценностей нравственного порядка, так как ориентация исключительно на успех, реализацию поставленных целей (вне нравственных оценок используемых технологических средств) закономерно приведёт, в конечном счёте, к разрушительным для культуры, социума результатам.

Выводы. Поскольку мы рассматриваем власть как социально полезный институт, ответственно выполняющий поставленные перед ним гражданским обществом задачи и в этом смысле способным противостоять хаосу, стоит отметить, что власть только тогда будет представлять ценность, когда будет отождествляться с порядком и защитой, а также демонстрировать моральный подход к решению социально-политических проблем. Иными словами, власть должна превратиться в социально ценный институт – ценный именно с точки зрения гуманизма. Только в таком контексте могут применяться политические технологии, служащие действительно развитию, а не стагнации, самых разных сфер общественного бытия – от культуры, науки, образования и до политики, права, экономики.

Ссылки

1. Адорно Т. О технике и гуманизме [Электронный ресурс] // *Философия техники в ФРГ*; [пер. с нем. и англ.; составл. и предисл. Ц.Г. Арзаканяна и В.Г. Горохова]. – М.: Прогресс, 1989. – 528 с. – С. 364-371. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3132/3140>.

2. *Луман Н.* Власть / Никлас Луман; [пер. с нем. А.Ю. Антоновского]. – М.: Прксис, 2001. – 256 с. – (Серия «Образ общества»).

3. *Розин В.М.* Технология / В.М. Розин // Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Стёпин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. Т. IV. – М.: Мысль, 2010. – 736 с. – С. 65.

4. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления; [пер. с нем]. – М.: Республика, 1993. – 447 с. – (Мыслители XX в.). – С. 221-238.

5. *Хёсле В.* Философия техники М. Хайдеггера / В. Хёсле; [пер. С.П. Поцелуева] // Философия Мартина Хайдеггера и современность. – М.: Наука, 1991. – 253 с. – С. 138-154.

6. *Маркузе Г.* Одномерный человек / Герберт Маркузе. – М.: «REFL-book», 1994. – 368 с.

7. См.: *Скиба О.П.* Інформаційно-комунікаційні технології в науці і освіті сучасного суспільства // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія : Збірник наукових праць. – Вип. 2 (22). – К.: НАУ, 2015. – 152 с. – С. 61-63; Ченбай Н.А. Інноваційні технології в університетській освіті інформаційного суспільства // Там само. – С. 77-80.

8. *Кононенко О.В.* Маніпуляція як регулятивний механізм і чинник соціальних ризиків // Вісник Національного авіаційного університету. Серія: Філософія. Культурологія : Збірник наукових праць. – Вип. 2 (22). – К.: НАУ, 2015. – 152 с. – С. 88-94; Пода Т.А. Маніпуляція як спосіб трансформації суспільної свідомості / Т.А. Пода // Вісник Національного авіаційного університету. Філософія. Культурологія. – 2014. – Вип. 2 (20). – С. 47-50.

9. *Арендт Х.* Vita activa, или о деятельной жизни / Ханна Арендт; [пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; под ред. Д.М. Носова]. – СПб.: Алетейя, 2000 г. – 437 с.

10. *Штраус Л.* О тирании / Лео Штраус; [пер. с англ. и древнегреч. А.А. Россиуса, пер. с франц. А.М. Руткевича]. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 328 с.

11. *Кожев А.* Тирания и мудрость. Комментарии по поводу трактата Л. Штрауса / А. Кожев // Там же.

12. *Шарп Д.* Теория ненасильственной борьбы. По книге: Шарп Д. Политика ненасильственных действий / Джин Шарп; [Электронный ресурс]. – Boston: Porter Sargent, 1973. – Режим доступа: <http://biblionmd.tripod.com/civ/04>; Шарп Д. От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения / Джин Шарп; [Электронный ресурс]. – Институт им. Альберта Эйнштейна (США). – Режим доступа: http://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Russian.pdf.

13. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза; [изд. 2-е]. – М.: Академический Проект, 2009. – 380 с. – (Социально-политические технологии).

14. *Гавел В.* Политика и совесть / Вацлав Гавел; [Электронный ресурс] // Politics and Conscience. – Salisbury Review. – 1985. – January (№ 2). – Режим доступа: <http://www.inliberty.ru/library/179-politika-inbvspovest>.

Н.Г. Середюк

РОЛЬ ПРИКЛАДНОЇ ЕТИКИ В ПРОЦЕСІ ПО- ПЕРЕДЖЕННЯ МЕДІЙНОЇ МАНІПУЛЯЦІЇ ОСОБИСТІСТЮ

У статті розглянуто проблему прикладної етики як форми організованого впливу на розвиток морального мислення. Етика сучасного суспільства втрачає надмірну утаємниченість своїх принципів і не дотримується ілюзії завершеного духовного продукту. Саме такий новий аспект прикладної етики, який значною мірою пов'язаний з системною диференціацією суспільства і орієнтацією кожної системи на свої власні особливі нормативи, активізує розробку різних етик. Останні виконують функцію легітимації конкретних виявів людського буття.